

ДАРЫ ВОЛХВОВ

Один доллар восемьдесят семь центов. Это было все. Из них шестьдесят центов монетками по одному центу. За каждую из этих монеток пришлось торговаться с бакалейщиком, зеленщиком, мясником так, что даже уши горели от безмолвного неодобрения, которое вызывала подобная бережливость. Делла пересчитала три раза. Один доллар восемьдесят семь центов. А завтра Рождество.

Единственное, что тут можно было сделать, это хлопнуться на старенькую кушетку и зареветь. Именно так Делла и поступила. Откуда напрашивается философский вывод, что жизнь состоит из слез, вздохов и улыбок, причем вздохи преобладают.

Пока хозяйка дома проходит все эти стадии, оглядим самый дом. Меблированная квартира за восемь долларов в неделю. В обстановке не то чтобы вопиющая нищета, но скорее красноречиво молчащая бедность. Внизу, на парадной двери, ящик для писем, в щель которого не протиснулось бы ни одно письмо, и кнопка электрического звонка, из которой ни одному смертному не удалось бы выдавить ни звука. К сему присовокуплялась карточка с надписью: *«М-р Джеймс Диллингхем Юнг»*. Диллингхем развернулось во всю длину в недавний период благосостояния, когда обладатель указанного имени получал тридцать долларов в неделю. Теперь, после того как этот

доход понизился до двадцати долларов, буквы в слове «Диллингхем» потускнели, словно не на шутку задумавшись: а не сократиться ли им в скромное и неприязнительное «Д»? Но когда мистер Джеймс Диллингхем Юнг приходил домой и поднимался к себе на верхний этаж, его неизменно встречал возглас «Джим!» и нежные объятия миссис Джеймс Диллингхем Юнг, уже представленной вам под именем Деллы. А это, право же, очень мило.

Делла кончила плакать и прошлась пуховкой по щекам. Она теперь стояла у окна и уныло глядела на серую кошку, прогуливавшуюся по серому забору вдоль серого двора. Завтра Рождество, а у нее только один доллар восемьдесят семь центов на подарок Джиму! Долгие месяцы она выгадывала буквально каждый цент, и вот все, чего она достигла. На двадцать долларов в неделю далеко не уедешь. Расходы оказались больше, чем она рассчитывала. С расходами всегда так бывает. Только доллар восемьдесят семь центов на подарок Джиму! Ее Джиму! Сколько радостных часов она провела, придумывая, что бы такое ему подарить к Рождеству. Что-нибудь совсем особенное, редкостное, драгоценное, что-нибудь, хоть чуть-чуть достойное высокой чести принадлежать Джиму.

В простенке между окнами стояло трюмо. Вам никогда не приходилось смотреться в трюмо восьми-долларовой меблированной квартиры? Очень худой и очень подвижной человек может, наблюдая последовательную смену отражений в его узких створках, составить себе довольно точное представление о собственной внешности. Делле, которая была хрупкого сложения, удалось овладеть этим искусством.

Она вдруг отскочила от окна и бросилась к зеркалу. Глаза ее сверкали, но с лица за двадцать секунд

сбежали краски. Быстрым движением она вытащила шпильки и распустила волосы.

Надо вам сказать, что у четы Джеймс Диллингхем Юнг было два сокровища, составлявших предмет их гордости. Одно — золотые часы Джима, принадлежавшие его отцу и деду, другое — волосы Деллы. Если бы царица Савская проживала в доме напротив, Делла, помыв голову, непременно просушивала бы у окна распущенные волосы — специально для того, чтобы заставить померкнуть все наряды и украшения ее величества. Если бы царь Соломон служил в том же доме швейцаром и хранил в подвале все свои богатства, Джим, проходя мимо, всякий раз доставал бы часы из кармана — специально для того, чтобы увидеть, как он рвет на себе бороду от зависти.

И вот прекрасные волосы Деллы рассыпались, блестя и переливаясь, точно струи каштанового водопада. Они спускались ниже колен и плащом окутывали почти всю ее фигуру. Но она тотчас же, нервничая и торопясь, принялась снова подбирать их. Потом, словно заколебавшись, с минуту стояла неподвижно, и две или три слезинки упали на ветхий красный ковер.

Старенький коричневый жакет на плечи, старенькую коричневую шляпку на голову — и, взметнув юбками, сверкнув невысохшими блестками в глазах, она уже мчалась вниз, на улицу.

Вывеска, у которой она остановилась, гласила: «*M-me Sophronie. Всевозможные изделия из волос*». Делла взбежала на второй этаж и остановилась, с трудом переводя дух.

— Не купите ли вы мои волосы? — спросила она у мадам.

— Я покупаю волосы, — ответила мадам. — Снимите шляпу, надо посмотреть товар.

Снова заструился каштановый водопад.

— Двадцать долларов, — сказала мадам, привычно взвешивая на руке густую массу.

— Давайте скорее, — сказала Делла.

Следующие два часа пролетели на розовых крыльях — прошу прощения за избитую метафору. Делла рыскала по магазинам в поисках подарка для Джима.

Наконец она нашла. Без сомнения, это было создано для Джима, и только для него. Ничего подобного не нашлось в других магазинах, а уж она все в них перевернула вверх дном. Это была платиновая цепочка для карманных часов, простого и строгого рисунка, пленявшая истинными своими качествами, а не показным блеском, — такими и должны быть все хорошие вещи. Ее, пожалуй, даже можно было признать достойной часов. Как только Делла увидела ее, она поняла, что цепочка должна принадлежать Джиму. Она была такая же, как сам Джим. Скромность и достоинство — эти качества отличали обоих. Двадцать один доллар пришлось уплатить в кассу, и Делла поспешила домой с восемьюдесятью семью центами в кармане. При такой цепочке Джиму в любом обществе не зазорно будет поинтересоваться, который час. Как ни великолепны были его часы, а смотрел он на них часто украдкой, потому что они висели на дрянном кожаном ремешке.

Дома оживление Деллы поулеглось и уступило место предусмотрительности и расчету. Она достала щипцы для завивки, зажгла газ и принялась исправлять разрушения, причиненные великодушием в сочетании с любовью. А это всегда тягчайший труд, друзья мои, исполинский труд.

Не прошло и сорока минут, как ее голова покрылась крутыми мелкими локончиками, которые сделали ее удивительно похожей на мальчишку, удравшего

с уроков. Она посмотрела на себя в зеркало долгим, внимательным и критическим взглядом.

«Ну, — сказала она себе, — если Джим не убьет меня сразу, как только взглянет, он решит, что я похожа на хористку с Кони-Айленда. Но что же мне было делать, ах, что же мне было делать, раз у меня был только доллар и восемьдесят семь центов!»

В семь часов кофе был сварен и раскаленная сковорода стояла на газовой плите, дожидаясь бараньих котлеток.

Джим никогда не запаздывал. Делла зажала платиновую цепочку в руке и уселась на краешек стола поближе к входной двери. Вскоре она услышала его шаги внизу на лестнице и на мгновение побледнела. У нее была привычка обращаться к Богу с коротенькими молитвами по поводу всяких житейских мелочей, и она торопливо зашептала:

— Господи, сделай так, чтобы я ему не разонравилась!

Дверь отворилась, Джим вошел и закрыл ее за собой. У него было худое, озабоченное лицо. Нелегкое дело в двадцать два года быть обремененным семьей! Ему уже давно нужно было новое пальто, и руки мерзли без перчаток.

Джим неподвижно замер у дверей, точно сеттер, учуявший перепела. Его глаза остановились на Делле с выражением, которого она не могла понять, и ей стало страшно. Это не был ни гнев, ни удивление, ни упрек, ни ужас — ни одно из тех чувств, которых можно было бы ожидать. Он просто смотрел на нее, не отрывая взгляда, и лицо его не меняло своего странного выражения.

Делла соскочила со стола и бросилась к нему.

— Джим, милый, — закричала она, — не смотри на меня так! Я остригла волосы и продала их, потому

что я не пережила бы, если б мне нечего было подарить тебе к Рождеству. Они опять отрастут. Ты ведь не сердишься, правда? Я не могла иначе. У меня очень быстро растут волосы. Ну, поздравь меня с Рождеством, Джим, и давай радоваться празднику. Если б ты знал, какой я тебе подарок приготовила, какой замечательный, чудесный подарок!

— Ты остригла волосы? — спросил Джим с напряжением, как будто, несмотря на усиленную работу мозга, он все еще не мог осознать этот факт.

— Да, остригла и продала, — сказала Делла. — Но ведь ты меня все равно будешь любить? Я ведь все та же, хоть и с короткими волосами.

Джим недоуменно оглядел комнату.

— Так, значит, твоих кос уже нет? — спросил он с бессмысленной настойчивостью.

— Не ищи, ты их не найдешь, — сказала Делла. — Я же тебе говорю: я их продала — остригла и продала. Сегодня сочельник, Джим. Будь со мной поласковее, потому что я это сделала для тебя. Может быть, волосы на моей голове и можно пересчитать, — продолжала она, и ее нежный голос вдруг зазвучал серьезно, — но никто, никто не мог бы измерить мою любовь к тебе! Жарить котлеты, Джим?

И Джим вышел из оцепенения. Он заключил свою Деллу в объятия. Будем скромны и на несколько секунд займемся рассмотрением какого-нибудь постороннего предмета. Что больше — восемь долларов в неделю или миллион в год? Математик или мудрец дадут вам неправильный ответ. Волхвы принесли драгоценные дары, но среди них не было одного. Впрочем, эти туманные намеки будут разъяснены далее.

Джим достал из кармана пальто сверток и бросил его на стол.

— Не пойми меня ложно, Делл, — сказал он. — Никакая прическа и стрижка не могут заставить ме-

ня разлюбить мою девочку. Но разверни этот сверток, и тогда ты поймешь, почему я в первую минуту немножко оторопел.

Белые проворные пальчики рванули бечевку и бумагу. Последовал крик восторга, тотчас же — уввы! — чисто по-женски сменившийся потоком слез и стонов, так что потребовалось немедленно применить все успокоительные средства, имевшиеся в распоряжении хозяина дома.

Ибо на столе лежали гребни, тот самый набор гребней — один задний и два боковых, — которым Делла давно уже благоговейно любовалась в одной витрине Бродвея. Чудесные гребни, настоящие черепаховые, с вделанными в края блестящими камешками, и как раз под цвет ее каштановых волос. Они стоили дорого — Делла знала это, — и сердце ее долго изнывало и томилось от несбыточного желания обладать ими. И вот теперь они принадлежали ей, но нет уже прекрасных кос, которые украсил бы их вожделенный блеск.

Все же она прижала гребни к груди и, когда наконец нашла в себе силы поднять голову и улыбнуться сквозь слезы, сказала:

— У меня очень быстро растут волосы, Джим!

Тут она вдруг подскочила, как ошпаренный котенок, и воскликнула:

— Ах, боже мой!

Ведь Джим еще не видел ее замечательного подарка. Она поспешно протянула ему цепочку на раскрытой ладони. Матовый драгоценный металл, казалось, заиграл в лучах ее бурной и искренней радости.

— Разве не прелесть, Джим? Я весь город обегала, покуда нашла это. Теперь можешь хоть сто раз в день смотреть, который час. Дай-ка мне часы. Я хочу посмотреть, как это будет выглядеть все вместе.

Но Джим, вместо того чтобы послушаться, лег на кушетку, подложил обе руки под голову и улыбнулся.

— Делл, — сказал он, — придется нам пока спрятать наши подарки, пусть полежат немножко. Они для нас сейчас слишком хороши. Часы я продал, чтобы купить тебе гребни. А теперь, пожалуй, самое время жарить котлеты.

Волхвы, те, что принесли дары младенцу в яслях, были, как известно, мудрые, удивительно мудрые люди. Они-то и завели моду делать рождественские подарки. И так как они были мудры, то и дары их были мудры, может быть, даже с оговоренным правом обмена в случае непригодности. А я тут рассказал вам ничем не примечательную историю про двух глупых детей из восьмидолларовой квартирки, которые самым немудрым образом пожертвовали друг для друга своими величайшими сокровищами. Но да будет сказано в назидание мудрецам наших дней, что из всех дарителей эти двое были мудрейшими. Из всех, кто подносит и принимает дары, истинно мудры лишь подобные им. Везде и всюду. Они и есть волхвы.

ЛЕТНИЙ МАСКАРАД

— Нелегко служить у Сатаны, — сказал Джефф Питерс. — Когда все отдыхают, тут-то он как раз и навалит на тебя кучу работы. Как говорил не то старик доктор Уоттс¹, не то святой Павел, а может, еще какой-то диагност — «Для праздных рук всегда найдет он дело».

Помню, однажды летом я и мой компаньон Энди Таккер решили немножко отдохнуть, но всегда получается так, что наши дела увязываются за нами, куда бы мы ни двинулись.

То ли дело проповедник — он может бросить все свои обязанности и предаться радостям жизни. 31 мая он закрывает свою кафедру фольгой и москитной сеткой, хватает клюшку для гольфа, тревник и удочку и отправляется бродяжничать вокруг озера Комо или по Атлантик-Сити — в зависимости от того, насколько громгласно взывает к нему его паства. И вот, сэр, на целых три месяца он может забыть про свой бизнес — знай себе выискивай во Второзаконии, Книге притчей Соломоновых или в Послании к Тимофею цитаты, чтоб искупить свои мелкие летние грешки вроде того, что проиграл в рулетку два-три золотых или давал уроки плавания вдове пресвитерианина.

¹ *Исаак Уоттс* (1674–1748) — английский священник, автор церковных гимнов и назидательных стихов для детей.

Однако я хотел описать вам наш с Энди летний отпуск, который оказался совсем не отпуском.

Нам надоели финансы и все прочие отрасли еретического плутовства. Даже Энди Таккер, чей мозг работает почти без передышки, начал скрипеть, как пресс для теннисной ракетки.

— Эхма! — говорит Энди. — Я устал. Дай пару! Полный ход вперед! Покатим на Ривьеру! Где моя яхта «Корсар»?¹ Хочу слоняться праздно и душу ублажать, как заявил Уолт Уитьер². Хочу сыграть в пинокль с кардиналом Мерри дель Валемом, или задать порку арендаторам в моих территаунских поместьях, или, нарядившись в шотландскую юбку, произносить речи на летнем сборе учителей в Шатокве³, или делать еще что-нибудь этакое необычное, летнее, солнечное, непохожее на вульгарную кражу со взломом.

— Терпение, — говорю я. — Прежде чем наслаждаться лаврами, венчающими ноги великих капитанов промышленности, тебе придется подняться на ступень выше в твоей собственной профессии. Что касается меня, Энди, то мне нужен летний отдых в горной деревушке вдали от сцен воровства, труда и концентрации капитала. Я тоже устал, и недельки три-четыре безгрешности позволят нам войти в хорошую форму, а осенью мы снова примемся облегчать бремя белого человека.

Энди одобрил идею лечения отдыхом. Мы обратились к агентам бюро путешествий при всех железных дорогах с просьбой прислать нам литературу о курор-

¹ «Корсар» — яхта Моргана.

² Строка, которую, перевирая, цитирует Энди, принадлежит не Джону Гринлифу Уитьеру, а Уолту Уитмену.

³ *Территаун* — поселок в штате Нью-Йорк, где родились миллионеры Джей Гульд и Джон Рокфеллер; *Шатоква* — местечко на озере Шатоква в штате Нью-Йорк, где ежегодно происходили летние собрания учителей.

тах и целую неделю потратили на изучение вопроса, куда нам ехать. Я всегда считал, что первым в мире агентом бюро путешествий был этот субъект по фамилии Генезис¹. Однако в его время не было никакой конкуренции, и, когда он сказал: «Господь сотворил землю за шесть дней и увидел, что это хорошо весьма», — ему и в голову не приходило, до какой степени пресс-агенты летних гостиниц будут впоследствии изощряться в плагиатах с его писаний.

Досконально изучив эти проспекты, мы ясно поняли, что вся Америка от Пассадумкега, что в штате Мэн, до Эль-Пасо и от Скагуэя до Ки-Уэста — не что иное, как рай, переполненный горными вершинами, кристально чистыми озерами, яйцами прямо из-под кур, гольфом, девицами, гаражами, прохладительными бризами, пикниками, клозетами под сенью струй, теннисом — и все это не более чем в двух часах езды.

Ну вот, значит, мы с Энди выбрасываем эти книжонки на помойку, складываем чемодан, покупаем билеты на шестичасовой поезд «Летающая черепаха» и едем на станцию Вороний Бугор — забытое богом местечко в горах на линии Теннесси — Северная Каролина.

Нам рекомендовали гостиницу под названием «Лесной сурок», и туда-то мы с Энди и направили свои стопы (и чуть было их не обломали о тамошние пни и каменья). Гостиница стояла в стороне от дороги в большой роще, и ее широкие затененные веранды, на которых сидели в качалках женщины в белых платьях, являли весьма приятное зрелище. Остальная часть Вороньего Бугра состояла из почтовой конторы и скудного пейзажа под углом 45 градусов к небосводу.

¹ *Генезис* (или Бытие) — первая книга Библии.

И кто, по-вашему, встречает нас у калитки, сэр? Не кто иной, как старик Выкури-Вон Смизерс, бывший продавец электрических грелок для больной печени и лучший на всем юго-западе уличный дантист (лечение и удаление зубов без боли). Старик Выкури-Вон наряжен на клерикально-пейзанский манер и имеет вид не то землевладельца, не то захватчика чужих земельных участков. Каковое впечатление он подкрепляет рассказом о том, что он — хозяин и со-творитель «Лесного сурка». Я представляю ему Энди, и мы непринужденно болтаем о том о сем, как это бывает на собраниях совета директоров или на встречах старых приятелей вроде нашей троицы. Старик Выкури-Вон ведет нас в беседку во дворе у самых ворот, а потом берет арфу жизни и ударяет по струнам мощной правой дланью.

— Счастлив вас видеть, джентльмены, — говорит он. — Хорошо, если бы вы помогли мне выпутаться из истории, в которую я попал. Я уже слишком стар, чтобы гоняться за Фортуной по улицам, и потому арендовал эту собачью конуру в надежде, что Фортуна придет ко мне сама. За две недели до открытия сезона я получил одно письмо за подписью лейтенанта Пири, а другое — от герцога Мальборо¹. Оба просили сдать им на лето комнаты с пансионом.

Мне ли объяснять вам, джентльмены, как важно для заштатного деревенского заведения заполучить в качестве гостей двух джентльменов, чьи имена прославлены благодаря их продолжительной связи с айсбергами и Кобургами. Я немедленно заказываю объявление о том, что «Лесной сурок» приютит на лето

¹ *Лейтенант Пири* (1856–1920) — американский полярный исследователь; в 1909 г. достиг Северного полюса. Потомок герцогов Мальборо лорд Рэндолф Черчилль (отец Уинстона Черчилля) был женат на богатой американке.

сих выдающихся лиц, и рассылаю его по всем городам и местечкам от Ноксвилла и Шарлотты до Рыбьей Запруды и Медвежьего Угла.

А теперь взгляните на веранду, джентльмены, где в ожидании герцога и лейтенанта сидят безутешные образчики прекрасного пола. Весь дом от чердака до погреба битком набит жрицами культа героев.

Среди них — четыре учительницы нормальных школ и две ненормальных, три выпускницы средних школ в возрасте от тридцати семи до сорока двух лет, две литературные старые девы и одна не пишущая, парочка дам из общества и одна дама с берегов реки Хо. Две чтицы-декламаторши ночуют в ларе для кукурузы, а на сеновал я втиснул две складные койки для кухарки и редакторши отдела светской хроники чатанугской газеты «Бинокль». Видите, какова притягательная сила имен, джентльмены? — говорит Выкури-Вон.

— Так чего ж ты теперь показываешь кукиш своей Фортуне? Это на тебя совсем не похоже, — говорю я ему.

— Я еще не кончил, — отвечает старик. — Вчера был день, назначенный для приезда прославленных лиц. Я отправился на станцию их встречать. Смотрю, сходят с поезда два явно одушевленных предмета. У обоих в руках сумки, набитые крокетными молотками, и волшебные фонари — ну, знаете, которые с кнопками. Сравниваю я эти величины с их автографами, джентльмены, и вижу, что ошибка произошла по причине моего слабого зрения. Оказалось, что это вовсе не лейтенант Пири, а некий Леви Т. Пиви, продавец содовой воды из Эшвилла, а герцог Мальборо — не кто иной, как Тео Дрейк Мерфрисборо, приказчик в бакалейной лавке. Что я сделал? Я погрузил их обратно в вагон и постоял на платформе, пока эти низкие твари не отбыли обратно в свои низины.

Теперь вам ясно, джентльмены, в какую переделку я попал? — продолжает Выкури-Вон Смизерс. — Я известили дам, что именитые гости задержались в дороге вследствие непредвиденных обстоятельств, намекнув на подвижку льдов и богатую наследницу, и что дня через два они приедут. Когда дамы поймут, что их обманули, то все эти многочисленные ярды клетчатой кисеи и накладных локонов соберут свои пожитки и уедут. Жуткое дело, — говорит Выкури-Вон.

— Дружище! — восклицает Энди, ткнув старика пальцем в пищевод. — К чему вся эта иеремиада, когда Северный полюс и порталы замка Бленхейм¹ вступили в заговор с целью вручить вам золотые горы на серебряном блюде высшей пробы? К вам прибыли мы.

Лицо старика Выкури-Вон просветлело.

— Вы можете это сделать, джентльмены? — спрашивает он. — Вы могли бы это сделать? Вы могли бы изобразить полярного исследователя и коротышкугерцога для этих милых дам? Вы это сделаете?

Я вижу, что Энди уже обуяла его старая перорально-полиглотическая система плутовства. Этот человек владел словарем тысяч в десять слов и синонимов, которые, едва успев слететь с его языка, тут же выстраивались в мудреные притчи и софизмы.

— Послушайте, — говорит Энди старику Выкури-Вон. — Вы спрашиваете, можем ли мы это сделать? Мистер Смизерс, перед вами — два человека, лучше всех на свете экипированные для обольщения немощных классов, будь то посредством оборотов речи, ловкости рук или резвости ног. Герцоги приходят и уходят, полярные исследователи уходят и без вести пропадают во льдах, а мы с Джеффом Питерсом пребиваем вовеки. Если таково ваше желание, мы и есть

¹ *Замок Бленхейм* — родовое поместье герцогов Мальборо в Англии.

та пара знаменитых постояльцев, которых вы ожидали. И вы убедитесь, что мы придадим настоящий местный колорит всем главным ролям от северного сияния до герцогских фризов и карнизов.

Старик Выкури-Вон приходит в восторг. Он ведет нас с Энди под ручки в гостиницу и всю дорогу клянется, что роскошнейшие консервированные фрукты и другие деликатесы прямо со скорых товарных поездов будут бесплатно предоставлены нам на все то время, пока мы у него живем.

Подойдя к веранде, Выкури-Вон говорит:

— Уважаемые дамы, имею честь представить вам его экселенцию герцога Мальборо и прославленного изобретателя Северного полюса лейтенанта Пири.

Под шелест многочисленных юбок и скрип качалок мы с Энди отвечаем поклоны и идем записываться в книгу для приезжающих. Затем мы умываемся, переворачиваем свои манжеты, а хозяин, проводив нас в отведенные нам комнаты, достает четвертную бутылку настоящей «горной росы» из Северной Каролины.

Когда Энди стал пить, я сразу понял, что это плохо кончится. Он подвержен артистическому метемпсихозу — будучи трезвым, он наполовину пьян, а стоит ему чуть-чуть пригубить, как он уже начинает смотреть сверху вниз на аэропланы.

Просидев некоторое время за бутылкой, мы с Энди вышли на веранду, где дамы сразу же начали зарабатывать нам на пропитание. Мы уселись в наши кресла, а учительницы и литераторши окружили нас тесным кольцом своих качалок.

Одна дама обращается ко мне с вопросом:

— Как прошло ваше последнее предприятие, сэр?

При этих словах я вспоминаю, что начисто забыл сговориться с Энди насчет того, кто я — герцог или

лейтенант. А из вопроса этой дамы никак нельзя было понять, интересуют ли ее экспедиции арктические или матримониальные. Поэтому я дал ответ, подходящий для обоих случаев.

— Ах, сударыня, — говорю я ей, — я получил ледяной душ, изрядный ледяной душ, сударыня.

Тут Энди открывает шлюзы своего красноречия, и мне сразу становится ясно, которую из двух мнимых знаменитостей я в этом спектакле играю. Ни ту и ни другую. Обеих играет Энди. Более того, он, очевидно, задался целью стать рупором всей британской знати и всех исследователей Арктики, начиная с сэра Джона Франклина и до наших дней. Это был союз кукурузной водки с солидной беллетристической формой, которую столь высоко ценит мистер У. Д. Хоулетт¹.

— Уважаемые дамы, я весьма счастлив посетить Америку, — говорит Энди, улыбаясь всему полукругу качалок. — Я считаю, что великая хартия вольностей, воздушные шары и лыжи отнюдь не наносят ущерба красоте и очарованию американских женщин и небоскребов, а также архитектуре ваших айсбергов. В следующий раз, когда я поеду за Северным полюсом, все гренландские Вандербильты, вместе взятые, не осмелятся оказать мне холодный прием, то есть, вернее, задать мне жару.

— Опишите нам какое-нибудь из ваших путешествий, лейтенант, — просит одна нормальная.

— Извольте, — решительно отвечает Энди, икая. — Прошлой весной я доплыл на замке Бленхейм до восьмидесяти седьмого градуса широты по Фаренгейту и побил рекорд. Милые дамы, — продолжает он, — это было поистине печальное зрелище — в краю по-

¹ Питерс искажает фамилию американского писателя У. Д. Хоуэлса.

луговой ночи пропал без вести герцог, связанный с одним из лучших ваших семейств узами гражданской и литургической ипотеки. Когда разбились четыре склянки, в поле зрения показалось Вестминстерское аббатство, но у нас не было ни капли еды. В полдень мы выбросили за борт пять мешков с песком, и корабль поднялся на пятнадцать узлов выше. В полночь все рестораны закрылись. Сидя на ледяной лепешке, мы съели семь горячих сосисок. Вокруг простирался снег и лед. За ночь боцман вставал шесть раз — он отрывал листки от календаря, чтобы нам не отстать от барометра. В полдень, — с болью в голосе произнес Энди, — три огромных белых медведя впрыгнули через люк в каюту, и тогда...

— Что тогда, лейтенант? — замирая от волнения, спрашивает одна из учительниц.

Энди громко всхлипывает.

— Герцогиня толкнула меня в бок! — восклицает он, сползает с кресла и разражается рыданиями на полу.

Ну, тут, разумеется, наша афера с треском лопнула. Наутро все постоялицы уехали. Хозяин целых два дня не желал с нами разговаривать, но, убедившись, что мы способны заплатить за стол и квартиру, смирил гнев на милость.

В итоге мы с Энди безмятежно провели лето, а покидая Вороний Бугор, еще увезли с собой 1100 долларов, которые старик Выкури-Вон проиграл нам в семерку.

ПРОСТАКИ С БРОДВЕЯ

— В один прекрасный день я надеюсь уйти на покой, — сказал Джефф Питерс, — и, когда это случится, никто не сможет сказать, что я взял у человека хоть один доллар, не дав ему взамен *quid pro rata*¹. Закончив сделку, я всегда ухитрялся оставить клиенту на память какую-нибудь безделицу, которую можно вклеить в альбом для газетных вырезок или засунуть в щель между стеной и часами работы Сета Томаса.

Правда, однажды я чуть было не нарушил это свое правило, совершив гнусное непохвальное деяние, но от этого меня спасли законы и статуты нашего великого доходного государства.

Как-то летом мы с моим компаньоном Энди Таккером отправились в Нью-Йорк, чтобы пополнить наш ежегодный ассортимент костюмов и мужской галантереи. Мы всегда одевались по последней моде, справедливо полагая, что импозантная внешность — один из первейших атрибутов нашего ремесла, уступающий разве что знакомству с расписанием поездов и фотографии президента с его автографом, которую подарил нам Лёб², скорей всего по ошибке. Энди од-

¹ Справедливое вознаграждение за услугу (*искаж. лат.*).

² Жак Лёб (1859–1924) — немецкий физиолог и естествоиспытатель, живший в США.

нажды написал ему письмо о природе, в котором между прочим упомянул, что в детстве мать не разрешала ему ловить раков пятерней. Лёб, наверное, понял это место так, что она «разрешилась пятерней», и прислал нам портрет. Как бы там ни было, мы с успехом показывали его в подтверждение своей благонамеренности.

Мы с Энди всегда избегали делать бизнес в Нью-Йорке. Уж очень это смахивает там на браконьерство. Ловить ротозеев в этом городе все равно что глушить окуней динамитом в техасских озерах. Для этого достаточно встать на углу в любой точке между Северной и Восточной рекой¹ и держать в руках мешок с надписью: «Пачки банкнот опускать сюда. Чеки и отдельные бумажки не принимаются». Рядом должен находиться полисмен, чтоб отгонять дубинкой разную шуштуру, которая норовит подсунуть почтовые переводы или канадские деньги. И это все, что может сделать в Нью-Йорке охотник, влюбленный в свое ремесло. Потому-то мы с Энди в этом городишке обычно превращались в естествоиспытателей. Вооружившись полевыми биноклями, мы наблюдали, как олухи, шатающиеся по бродвейским болотам, накладывают гипс на свои сломанные конечности, а после потихоньку смывались, не сделав ни единого выстрела.

Как-то раз мы с Энди, гуляя по переулку в десятке дюймов от Бродвея, забрели в некое злачное место, где под сенью пальм из папье-маше клиентам подсыпают в пиво снотворное, и тут на нашу голову навязался какой-то нью-йоркский житель. Мы пили с ним за одним столиком пиво, как вдруг выяснилось, что

¹ *Северная река* (Гудзон) и *Восточная река* с двух сторон омывают остров Манхэттен.

у нас есть общий знакомый по фамилии Хелсмит, коммивояжер фирмы по производству печей в Дулуте. Это дало нам повод заметить, что мир тесен, после чего этот нью-йоркский житель срывает с себя веревку, сбрасывает упаковку из фольги и стружек и излагает нам свое жизнеописание начиная с времен, когда он продавал индейцам шнурки для ботинок на том самом месте, где нынче стоит Тэмени-холл.

Этот житель Нью-Йорка был владельцем сигарной лавки на Бикмен-стрит и уже лет десять ни разу не заходил на север дальше Четырнадцатой улицы. Более того, у него была борода, между тем как давно уже прошло то время, когда уважающий себя жулик мог обидеть бородача. Теперь ни у одного афериста не хватит духу околпачить человека, который предал забвению бритву. На такое может пойти только вдова или мальчишка, вербующий подписчиков на иллюстрированный еженедельник с целью получить в награду духовое ружье. Этот бородач был типичный провинциал — бьюсь об заклад, что за последние четверть века он ни разу не удалялся за пределы видимости небоскреба.

Итак, вскоре эта столичная деревенщина достает пачку банкнот, туго стянутую синей нарукавной резинкой, и через стол протягивает ее мне.

— Мистер Питерс, — говорит он, — тут пять тысяч долларов, скопленных мною за пятнадцать лет коммерческой деятельности. Положите их в карман и сохраните их для меня, мистер Питерс. Я рад, что встретил вас, джентльменов с Запада. Я могу хлебнуть лишнего и поэтому прошу вас сберечь для меня эти деньги. А теперь давайте выпьем еще по кружке пива.

— Держали б вы их лучше при себе, — отвечаю я ему. — Вы нас совсем не знаете. Нельзя доверять пер-

СОДЕРЖАНИЕ

Дары волхвов. <i>Перевод Е. Калашиниковой</i>	5
Летний маскарад. <i>Перевод М. Беккер</i>	13
Простаки с Бродвея. <i>Перевод М. Беккер</i>	22
Заложники Момуса. <i>Перевод М. Беккер</i>	32
Купидон порционно. <i>Перевод М. Лорие</i>	53
Стихший ветер. <i>Перевод М. Беккер</i>	77
Линии судьбы. <i>Перевод Н. Дехтеревой</i>	103
В антракте. <i>Перевод Н. Дарузес</i>	114
Комната с видом на небо. <i>Перевод А. Степанова</i>	122
Из любви к Искусству. <i>Перевод Т. Озерской</i>	132
Фараон и хорал. <i>Перевод А. Горлина</i>	141
Приворотное зелье	
Айки Шонштейна. <i>Перевод Н. Дехтеревой</i>	150
Золото и любовь. <i>Перевод Н. Дарузес</i>	158
Зеленая дверь. <i>Перевод Н. Дехтеревой</i>	167
Роман биржевого маклера.	
<i>Перевод под ред. М. Лорие</i>	178
Недолгий триумф Тильди.	
<i>Перевод под ред. М. Лорие</i>	184
Сердце и крест. <i>Перевод М. Урнова</i>	192
Выкуп. <i>Перевод М. Урнова</i>	208
Друг Телемак. <i>Перевод М. Урнова</i>	217
Пиминентские блинчики. <i>Перевод М. Урнова</i>	227
Санаторий на ранчо. <i>Перевод Т. Озерской</i>	241

Пианино. <i>Перевод М. Уриова</i>	261
По первому требованию. <i>Перевод О. Холмской</i>	272
Принцесса и пума. <i>Перевод М. Уриова</i>	280
Елка с сюрпризом. <i>Перевод Т. Озерской</i>	289
Один час полной жизни. <i>Перевод Н. Дарузес</i>	305
Персики. <i>Перевод Е. Калашиковой</i>	313
Пока ждет автомобиль. <i>Перевод Н. Дехтеревой</i>	321
Предвестник весны. <i>Перевод М. Лорие</i>	329
Комедия любопытства. <i>Перевод Н. Дарузес</i>	337
Квадратура круга. <i>Перевод Н. Дарузес</i>	343
Погребок и роза. <i>Перевод Н. Дехтеревой</i>	350
Деловые люди. <i>Перевод И. Бернштейн</i>	358
Сила привычки. <i>Перевод Н. Дарузес</i>	374
Теория и собака. <i>Перевод А. Степанова</i>	382
Формальная ошибка. <i>Перевод И. Гуровой</i>	396
Коловращение жизни. <i>Перевод Т. Озерской</i>	404